

862

Власть и волюсь

8 сентября 1862 г. в Великом Новгороде на площади между Софийским собором и Присутственными местами проходила невиданно пышная церемония. В присутствии государя императора, наследника цесаревича, членов императорской фамилии, Синода и Сената был торжественно открыт памятник Тысячелетия России.

Грандиозное сооружение, плод фантазии дотоле никому не известного выпускника батального класса Императорской Академии художеств Михаила Микешина, силуэтом напоминало одновременно шапку Мономаха и колокол. Но главная удача скульптора, обеспечившая победу его проекту, заключалась в удивительно точном переводе на язык скульптуры традиционного взгляда на отечественную историю. Сущность России виделась в уникальном сочетании «православия, самодержавия и народности». Соответственно, в верхней части монумента ангел, олицетворяющий православие, благословляет коленопреклоненную женщину — Россию. Помещенные на втором уровне шесть групп представляли разные стадии становления российской монархии. В нижнем ярусе располагались 109 персонажей, в частности и простого звания, положивших жизнь на создание великой России. Тысячелетняя история России мыслилась как тысячелетняя история монархии.

Памятник себе

Почетное место в среднем ярусе монумента занимала сцена призвания славянами на княжение варяга Рюрика. К юбилею этого события, собственно, и было приурочено торжество, ибо с актом «добровольного призвания» связывалось установление на Руси монархического начала и даже появление государственности вообще. Уже Василий Никитич Татищев — первый российский историк — изображал древнерусских князей самовластными государями, а политическую систему

Древней Руси как монархию. Идея эта закрепилась в российском общественном сознании с появлением в 1816 г. «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, ставшей для россиян своеобразным «открытием» собственной истории. Прекрасный язык, глубокое знание источников, яркие образы героев — все это сделало труд Карамзина основой исторических знаний многих поколений.

«Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец — и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки, с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти» (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. Гл. 4).

В трудах историка Михаила Петровича Погодина (сына крепостного, отпущенного на волю, получившего возможность учиться в Московском университете и впоследствии ставшего его профессором и главой кафедры русской истории) добровольное призвание было истолковано в духе этой доктрины, но со значительным антизападническим заострением в соответствии со знаменитой триадой министра народного просвещения графа С.С. Уварова «Православие, самодержавие, народность». Сама формула Уварова была создана как своего рода полемический ответ на знаменитый лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство»: вместо свободы Уваров предлагал православие как подлинную свободу (не в человеческом, а в божественном смысле), равенству противопоставлял самодержавие, а вместо космополитического братства выдвигал народность, т. е. национальную идею.

Противопоставление России Западу особенно усердно насаждалось в эпоху Николая I. Перо Михаила Погодина было отзывчиво на пожелания начальства, и он писал, что в Западной Европе государства возникали в результате завоевания (например, галлов франками, бриттов норманнами), а на Руси — добровольного призвания варягов новгородцами. Поэтому русская история бесконфликтна и проникнута «народностью» (т. е. идеей единства русского народа и единения его с царем), а западная началась с порабощения и движется социальной борьбой и т. д.

Впоследствии представление об исконном существовании монархии на Руси было усвоено и «государственной школой» историков и марксистской историографией. Так, М.Н. Покровский считал возможным говорить о «варяжском абсолютизме» в Древней Руси. Да и в наши дни, открыв любой школьный учебник, мы непременно обнаружим в начале главки сакраментальную формулу: «Во главе Руси стояли великие киевские князья, которые были полноправными правителями страны», позднее переходящую в тезис о Киевской Руси как о «раннефеодальной монархии». А популярный политик запросто может заявить с экрана телевизора, что гражданское общество в России невозможно, ибо ее «естественный путь» — самодержавие.

Между тем при обращении к первоисточникам уже в эпизоде с призванием варягов обнаруживается устройство власти, весьма далекое от самодержавной монархии.

Древнейший летописный свод «Повесть временных лет» под 862 годом сообщает, что несколько племен, населявших северо-запад современной России, — ильменские словене, кривичи и чудь, платившие дань варягам, — возмутились, «изгнали варяга за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю

русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Распространенная в XVIII—XIX вв. трактовка варяжского призвания как момента образования государства давно оставлена наукой. В момент же своего появления она была вполне основательной научной гипотезой, поскольку считалось, что феодальные отношения возникают только в результате завоевания, когда иноплеменные победители «надстраиваются» в качестве высшего сословия над подвластными и порабощаемыми племенами. Поскольку по крайней мере с XII столетия на Руси несомненно обнаруживались элементы социальной (экономической и политической) конструкции близкой к феодальной, то естественно было историкам искать и завоевателя. Варяги вполне подходили на эту роль. Когда к концу XIX в. выяснилось, что феодальные отношения могут возникать без всякого завоевания, гипотеза потеряла основание и из научной литературы перекочевала в пропагандистские брошюры, изготавливавшиеся как в России, так и в Европе для моральной подготовки подданных к войне (от Семилетней в XVIII в. до холодной — в XX в.).

Впрочем, просто при внимательном чтении летописного известия становится очевидным, что призвать кого-либо, хотя бы и варяга, для исполнения общественных функций можно только в том случае, если сами эти функции уже существуют, когда есть кому и куда призывать. В известии о призвании Рюрика мы несомненно обнаруживаем три важнейших элемента политической конструкции Древней Руси в их взаимодействии. На первом плане выступает здесь собрание представителей племен, прообраз земской власти, известной нам по более поздним источникам как «вече». Вторую силу представляет призываемый «володеть и судить» князь. Князь приходит не один, он является в окружении соратников, пособляющих ему исполнять княжескую должность. Мифические братья Рюрика, бесследно исчезающие сразу после прибытия, по всей видимости, — плод недоразумения. Скорее всего, летописец, читая скандинавский источник, принял описание традиционного окружения варяжского предводителя — конунга — за имена его братьев: Синеус возник из «sine hus» («свой род»), а Трувор из «thru varing» («верная дружина»). Вооруженный отряд князя, его интернациональная дружина, составляет третий необходимый эле-

мент древнерусской политической конструкции. Эти три силы находятся в сложном взаимодействии, которым и определяется все своеобразие нашей политической истории древнейшего периода.

В 1862 г. самодержавная империя увековечила в бронзе тот образ истории, который ее наилучшим образом устраивал. Выбор, сделанный нашими более отдаленными предками в 862 г., имел совершенно другой смысл. Во всяком случае, у современных историков есть веские основания полагать, что если бы жителям Древней Руси довелось участвовать в открытии микешинского монумента, они пришли бы в недоумение, а разобравшись что к чему, потребовали бы поменять ярусы местами.

Земля наша велика и обильна

Историки много спорили и будут спорить впредь относительно реальных событий, отразившихся в легенде о призвании варягов, произвольно и, по всей видимости, неточно отнесенных летописцем к 862 г. Идиллическая картина «добровольного призвания» во всяком случае не соответствует действительности. Скорее всего, тогда речь шла о призвании варяжского конунга с дружиной не на княжение, а для помощи в войне. Позднее варяги совершили «государственный переворот», сопровождавшийся избиением словенских предводителей и знати, смутные воспоминания о котором сохранились в поздней Никоновской летописи (XVI в.). Под 864 годом там повествуется о том, как «оскорбились новгородцы, говоря: каково быть нам рабами, принимая столько зла от Рюрика и его родичей! В том же году убил Рюрик Вадима Храброго, и других многих перебил новгородцев его советников». В 867 г., по сообщению той же летописи, «убежали от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей». Так что варяжская династия утвердилась в Новгороде не без борьбы, но все попытки более детальной реконструкции тогдашних событий сталкиваются с острой нехваткой надежных источников, и все выводы остаются в высшей степени гадательными.

Несомненно, однако, что летописец, повествуя о событиях IX в., осмысливает их через реалии конца XI — начала XII столетия, когда политическая система Древней Руси вполне оформилась и на основе племенных союзов завершилось образование волостей-земель.

Прежде всего приходится устранить обманчивую ясность слова «земля». О какой земле говорится в речах, вкладываемых летописцем в уста словен, кривичей и чудей? Безусловно, имеются в виду не тучность новгородских почв и не лесные богатства. Землю, или волостью («властью»), именуется в наших летописях самостоятельная государственная область, находящаяся под управлением «города». Древнерусский город — автономный общественный союз, носитель суверенитета. То, что в наших учебниках называется Древнерусским государством, по существу, представляло собой совокупность таких волостей. Во время похода Олега на Царьград он потребовал с греков дань не только для всех участвовавших в походе воинов со всех кораблей «по 12 гривен на уключину», но и — для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и для других городов, то есть в пользу всех общин, участвовавших в организации похода.

Древнейшие города возникают, как установили археологи, в результате слияния нескольких родовых поселков. Относительно Киева смутные воспоминания о существовании таких поселений сохраняются в предании об основании города тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом. Точно так же образовались в результате слияния нескольких первобытных поселений Новгород, Суздаль и Смоленск. Аналогичная картина прослеживается и в других городах.

Город возникал как центр взаимодействия нескольких племен, территориального, а не родового объединения — земли-волости, включавшей сельскую округу и малые укрепленные центры, подчиненные городу, числящиеся его «пригородами». О главенствующем положении старшего города свидетельствует множество эпизодов, описанных в летописях. В частности, в 1151 г. жители Белгорода отказались открыть ворота Юрию Долгорукому, поскольку его не пустил к себе их старший город Киев.

Волости не были вполне устойчивы. Пригороды стремились к обособлению от своих городов и образованию самостоятельной земли-волости. Мотивы, толкавшие к такому обособлению, были не только материально-меркантильными. Пригороды, конечно, тяготились военными и финансовыми повинностями в пользу волостного центра, но главным образом стремление к обособлению порождала структура власти в земле-волости. Чересчур крупные размеры волости препятствовали непосредственному участию жителей в осуществлении власти.

Основным отличительным внешним признаком города были городские стены (в древности — просто частокол). Но замечательно то, что в сознании людей Древней Руси город отличался от других огороженных поселений — пригорода, городка и городища — признаком совсем не внешним. Городом именовался центр земли-волости, в котором функционировало вече.

Вопреки распространенному предрассудку вече действовало не только в Новгороде, Пскове и Вятке. Само слово «вече» употреблялось преимущественно в Северной Руси, но народные собрания, игравшие аналогичную роль в политической жизни, существовали повсеместно. В летописях они скрываются под псевдонимом «думы». Ключ к такому пониманию дает сообщение Лаврентьевской летописи под 1176 г. о вечевом собрании во Владимире, решавшем вопрос о том, какой князь должен «занять стол» после убийства Андрея Боголюбского.

«Новгородцы бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на веча сходятся; на что же старейший сдумают, на том же пригороди стануть»' (Лаврентьевская летопись. // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 377-378).

Помимо ясного указания на устройство земли-волости, в которой периферийные центры — «пригороды» — безусловно подчинены власти вечевых «городов», в этом отрывке ценно пояснение летописца, утверждавшего, что собрать вече — то же самое, что сойтись на думу и, соответственно, сдумать — значит принять вечевое решение. Это указание позволяет увидеть действие вечевого института и в тех случаях, когда само слово «вече» не упоминается. Благодаря этому ключу можно с большой долей уверенности утверждать, что когда в ответ на хазарские требования «сдумавше поляне» и дали в качестве дани от дома по мечу, они придумали это не каждый сам по себе, а сойдясь на племенную сходку. Точно так же и древляне в 945 г. «сдумавше со князем своим Малом» оказать сопротивление киевскому князю Игорю, проявившему «несытовство» — то есть требовавшего непомерной дани, — видимо, приняли это решение на собрании, аналогичном вече.

---

¹Новгородцы же издревле и смоляне, и киевляне, и полочане, и все волости, как на думу, на веча сходятся; что старейшие [города] решат, на том и пригороды станут.

Источники не позволяют проследить промежуточные формы и этапы эволюции, но большинство историков склоняется к мысли, что вечевые собрания естественным образом вырастают из племенных сходок эпохи военной демократии. Косвенным свидетельством существования у славян таких собраний служит известие византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского, отметившего, что славяне «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и потому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом». Длительное отсутствие термина «вече» в отечественных летописях скорее всего не означает перерыва в существовании самого этого института. Летописцы (составлявшие свои своды при княжеских дворах или в кельях — как правило, тоже княжеских — монастырей) вообще мало интересовались регулярной работой органов власти и обращали на них внимание только в моменты внутри- и внешнеполитических кризисов. Во всяком случае, неосновательным представляется мнение, высказанное в 1930-е гг. Б.Д. Грековым и получившее довольно широкое распространение по вненаучным причинам, а ныне разделяемое, кажется, только М.Б. Свердловым, будто «племенное вече — верховный орган самоуправления и суда свободных членов племени — с образованием государства исчезло, а в наиболее крупных территориальных центрах — городах (правда, не во всех русских землях) вече как форма политической активности городского населения появилось в XII—XIII вв. вследствие растущей социально-политической самостоятельности городов».

Такой перерыв в деятельности старинного института представляется странным и к тому же не подтверждается источниками, в которых вечевые собрания эпизодически упоминаются и в XI столетии. В 1015г. Ярослав Мудрый, варяжская дружина которого накануне перебила новгородскую верхушку «нарочитых мужей», вынужден был при получении на другой день известия о захвате власти в Киеве Святополком просить у новгородцев помощи «на вечи». В 1068 г. киевляне «створиша вече», дабы организовать отпор половецкому набегу, в борьбе с которым потерпел неудачу князь Изяслав. А на следующий год, когда изгнанный Изяслав попытался вернуться в Киев с помощью польских войск, горожане вновь «створиша вече», призвавшее на помощь братьев Изяслава — Святослава и Всеволода, угрожая в противном случае, сжегши город, уйти в «греческую землю».

Разумеется, сущность этого учреждения со временем менялась, и племенная сходка эпохи родового быта существенно отличалась от волостного вече XI—XII столетий. Однако ограниченность наших сведений не позволяет совершенно однозначно определить характер этих изменений. Спорными, как и сто лет назад, остаются вопросы о составе и компетенции вечевых собраний, порядке их проведения.

Неправильно представлять себе вече в виде хаотической толпы, принимавшей или отвергавшей предлагаемые меры силой крика. Единственное подробное летописное описание вечевого собрания позволяет заключить, что это было вполне формализованное действо, проходившее по определенному протоколу. На митинг собрание было мало похоже; по сообщению Лаврентьевской летописи, в 1147 г. «много множество» киевлян, явившихся на вече у Софийского собора, прежде всего «седоша». Далее рассевшиеся киевляне выслушали сообщение князя о причине собрания, приветствия послов, обращенные с соблюдением строгого этикета сначала к митрополиту, тысяцкому, а затем и ко всем «киянам», и только затем выслушали посольские предложения.

То обстоятельство, что участники вече сидели, заставляет предполагать, что число их было невелико. Археолог В.Л. Янин, непревзойденный знаток быта древнего Новгорода, провел однажды с участниками своей археологической экспедиции эксперимент. Когда вечевую площадь устлали скамьями, оказалось, что поместиться на них может не более 400 человек. Но если в этих сходках принимали участие не все жители города, то каким образом формировался их состав?

Относительно состава вечевых собраний продолжают споры. Часть исследователей разделяет убеждение Янина о том, что 300 «золотых поясов», заседавших на новгородском вече, по сообщению иноземного путешественника, представляли городской патрициат, старейшин усадеб, из которых состоял средневековый город. Другие полагают, что вечевые собрания были более «демократическими» и включали в себя выборных представителей городских районов-«концов». Споры ведутся, конечно, относительно «правильного» вече в обычной ситуации; во времена смутные — в случае военной катастрофы или острого социального конфликта — на сходки сбегалось множество народа, и там уж было не до процедурных тонкостей.

Компетенция вече была довольно обширна. Среди важнейших вопросов, решавшихся вечем, были вопросы войны и мира, пригла-

шение князя и заключение договора («ряда») с ним. В случае недовольства князем и нарушения им условий ряда вече могло указать князю «путь чист» (т. е. изгнать). Некоторые эпизоды такого рода широко известны. Например, события 1136 г. в Новгороде, когда был посажен на два месяца под арест со всей семьей, а затем и изгнан князь Всеволод Мстиславич, внук Владимира Мономаха. Новгородцы дважды изгоняли и князя Александра Ярославича (Невского), покушавшегося на городские вольности. Беда в том, что в наших учебниках эти случаи представляются как чрезвычайные и исключительные, между тем это была рутинная практика древнерусских волостей.

Участвовало вече и в направлении «иностранных дел». Например, в договоре Новгорода с Готским берегом указывалось, что в выработке условий договора, которым князь Ярослав Владимирович утвердил мир «с послом Арбудомъ и всеми немецкими сыны, ...и с всемъ латиньскимъ языкомъ», участвовали посадник Мирошка, тысяцкий Яков и все новгородцы.

Вече должно было утверждать чрезвычайные расходы на военные предприятия. В скандинавских сагах, где говорится, что во времена Владимира и Ярослава на Руси собирались тинги — народные собрания, содержится характерный рассказ об Эймунде, предлагавшем свою военную службу «русскому конунгу», который ответил ему: «Дайте мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я», и созвал тинг.

Княжеская дружина составляла корпус «быстрого реагирования», но основная тяжесть военных предприятий, как наступательных, так и оборонительных, если речь шла о земских интересах, ложилась на плечи рядовых «воев» — народного ополчения.

Основная масса свободного населения древнерусской волости была хорошо вооружена и представляла внушительную военную силу. Поляне, по преданию, дают хазарам по мечу «от дыма», то есть в понятиях летописца меч есть в каждом доме, а не только у знати. О том же свидетельствует и статья 13 «Русской правды», предусматривающая такой казус: «Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшее в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду». Очевидно, что «в своем мире» обнаружить собственное украденное военное снаряжение мог рядовой свободный общинник, а не княжеский «муж». Народное ополчение состояло как из городских, так и из сельских свободных обывателей. После не-

удачного для Руси сражения с монголами на реке Калке, как сообщает летопись, «бысть вопль и плачь и печаль по градом по всем и по селом». Очевидно, «по селом» плакали не из простого сочувствия, но оплакивали павших односельчан. Как отмечают археологи, меч в XII столетии становится массовой продукцией русских оружейников, причем появляются образцы «серийного производства», для которого был несомненно тесен исключительно дружинный и даже городской «рынок».

Неверно было бы представлять себе свободного общинника только в роли пешего воина. Простые воины на коне постоянно встречаются на страницах летописи. Князь Изяслав Мстиславич призывал с собой в поход на черниговских ольговичей всех киевлян «от мала и до велика, кто имеет коня, кто ли не имеет коня, а в лодьи». В другой раз киевляне последовали за своим князем «на конях и пеши многое множество».

Земские «вои» составляли особую военную организацию, отличную и независимую от княжеской дружины. В мирное время поддерживалась сотенная «мобилизационная система»: все население волости (не только городов, но и сел) было разбито на административные единицы — десятки и сотни, объединенные под общим руководством избираемого вечем тысяцкого. В походе это войско, находящееся под командой собственных воевод, действовало под общим руководством князя, но не было подчинено ему безусловно. Нередки случаи, когда городские «вои» прямо нарушали княжеские распоряжения. Князья Святополк, Владимир и Ростислав во время похода 1093 г. решили не переходить Стутну, стремясь избежать столкновения с половцами. Однако киевляне не согласились с этим решением, они постановили двинуться «на ону сторону реки», и князья вынуждены были следовать за земской ратью.

Своей численностью городской «полк» по крайней мере на порядок превосходил княжескую дружину. Неудивительно, что в случае конфликта князя с городом, когда горожане расторгали договор с князем и «казали ему путь чист», неудобному «самодержцу» ничего не оставалось как подчиниться и отправиться по указанному пути искать другого «стола». Для вооруженного противодействия сил дружины явно было недостаточно.

Суверенитет древнерусских городов-государств ярко проявляется в том, что они вступали в дипломатические сношения — «правили посольства» друг к другу и в отдаленные страны. В 1164 г. к византийс-

кому императору Мануилу прибыли «Киевский сол (посол) и Суждальский сол Илья, и Переяславский, и Черниговский». В 1229 г. для заключения договора с Ригой и Готским берегом отправились послы «от Смолнян», то есть послы городской общины участвовали в заключении договора наряду с княжескими и отдельно от них. Существовал и институт «международного посредничества»: в 1135 г. «ходил Мирослав посадник из Новгорода мирить киевлян с черниговцами», успеха акция, правда, не имела.

В целом позволительно утверждать, что политическая система древнерусской волости была вполне «демократической» (постоянно имея в виду условность и неточность употребления современной политической терминологии по отношению к такой удаленной эпохе). По всей видимости, в рамках города существовал некий олигархический орган. Однако скудные сохранившиеся источники не позволяют сказать ничего определенного относительно статуса упоминаемых в них «старцев градских», с которыми, например, в 988 г. держит совет относительно принятия новой веры князь Владимир Святославич. Во всяком случае не будет большим преувеличением утверждать, что русские волости не отличались в этом отношении по своему устройству от античных полисов и городов-государств средневековой Европы. Но только в античном полисе не было князя с дружиной, а русский город не знал западноевропейской «коммунальной революции» — этому препятствовала сама его структура, он состоял из княжеских и боярских дворов-кварталов. Один из лучших знатоков Древней Руси И.Я. Фроянов пришел к заключению, что «с помощью веча, бывшего верховным органом власти городов-государств на Руси второй половины XI — начала XIII в., народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении». Едва ли положение было существенно иным в предшествующие два столетия.

Изучение всего комплекса источников, доступных нам, неизбежно приводит к выводу, впервые сформулированному историком древнерусского права В.И. Сергеевским еще в начале XX столетия: «...Наша древность не знает единого "государства Российского"; она имеет дело со множеством единовременно существующих небольших государств». Трудно говорить о Древней Руси как едином государстве при отсутствии единой административной организации, единого «экономического пространства» и даже общего наименования, охватывающего все русские земли-волости, население которых, довольно рез-

ко отличавшееся хозяйственными и культурными обычаями, невозможно представить в виде «единой древнерусской народности».

Наши летописи говорят о «русской земле» в совершенно своеобразном смысле, и значение этого словосочетания остается не вполне ясным. В частности, в 1145 г. «вся Русская земля» ходила походом на... Галич. С помощью скрупулезного анализа семисот упоминаний «русской земли» в памятниках домонгольской эпохи, проведенного В.А. Кучкиным, было установлено, что словосочетание это используется в двух различных значениях. «Русской землей» «в узком смысле» именуется южные волости в нижнем течении Днепра, южного Буга и Днестра. Причем в состав этой «русской земли» никогда не включаются области Великого Новгорода, Полоцка, Смоленска, Суздаля (Владимира), Рязани, Муром, Галича и Владимира на Волыни. Относительно смысла и происхождения этого словоупотребления нет даже убедительной гипотезы. Помимо этого, словосочетание «русская земля» употребляется «в широком смысле», и тогда она охватывает не только те земли, которые мы и сейчас назвали бы русскими, но и болгарские, польские, валашские, а позднее и литовские города. В основе этого объединения лежал принцип единства церковнославянского языка. Таким образом, «русская земля» «в широком смысле» — совокупность земель, исповедующих истинную веру, связанную с церковнославянским языком, т. е. вообще православный, богоспасаемый мир. Но это представление древнерусских книжников мало влияло на политические реалии Древней Руси, которая предстает совокупностью независимых земель, объединяемых общностью веры, княжеской династии и языка.

С домом и дружиной

Обращаясь к летописям, мы обнаруживаем, что князь — совершенно необходимый элемент социально-политической организации древнерусского общества. Случай, когда та или иная волость временно оказывалась в положении «безкняжья», неизменно привлекают внимание летописца. Летописец, повествуя о конфликте родного Владимира с Ростовом и Суздалем, отмечает как чудо и проявление особого божественного благоволения, что владимирцы выстояли в этой борьбе целых семь недель «безо князя будуще». Вольнолюбивые Новгород-

цы и те, оставшись на полгода без князя, «не стерпели без князя сидеть». С князем горожане чувствовали себя спокойнее: когда Изяслав Мстиславич, отлучавшийся из Киева на несколько месяцев для поездки в Новгород и Смоленск, вернулся обратно, радовалось все «люды».

Радость эта легко объяснима. Князь выступает в наших древнейших памятниках прежде всего как организатор обороны, и его отсутствие приводило к существенному ущербу «обороноспособности» волости. В 1152 г. дружина князя Изяслава не смогла остановить половцев у днепровского брода, поскольку князя с ними не было, «а боярина не вси слушаютъ». Необходимость быть при войске и вдохновлять его своим примером отлично сознавали и сами князья, признавшие в один голос на одном из княжеских съездов — снемов: «не крепко бьются дружина и половцы, если с ними не ездим сами». Древнерусский князь во многом сохраняет черты военного предводителя родоплеменной эпохи. Например, он должен принимать непосредственное участие в битвах в качестве передового бойца.

Идеальный князь денно и ночно сам печется о военном «наряде». В «Поучении» Владимир Мономах наставляет детей своих: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано».

Главная добродетель князя — храбрость, отвага. Волость могла изгнать князя, проявившего трусость, то есть обнаружившего, как сказали бы сейчас, «неполное служебное соответствие». В 1136 г. новгородцы изгнали князя Всеволода Мстиславича за то, что тот уехал из похода «впереди всех». Смерть князя на поле брани считалась нормой. «Дивно ли, если муж пал на войне? — писал Мономах о гибели собственного сына Изяслава. — Умирили так лучшие из предков наших».

Помимо собственно руководства военными действиями на князе лежала обязанность снабжения дружины оружием и конями, для чего князьям приходилось организовывать внешнеторговые предприятия и заводить собственные «села», где разводили боевых коней.

Другой важнейшей задачей князя было поддержание внутреннего порядка. «Княж двор» был местом суда, а судебные разбирательства со временем превратились в повседневное занятие князя. В распорядке дня Владимира Мономаха было установлено специальное время,

когда он должен был «люди оправливати». В тех случаях, когда князь по немощи и болезни, как, например, Всеволод Ярославич на склоне лет, отходил от судебных дел, передоверяя их своим помощникам — тиунам, «княжа правда», по выражению летописца, переставала доходить до людей.

Княжеский суд должен был быть «истинен и нелицемерен», что в значительной степени гарантировалось его открытостью, гласностью и «равноудаленностью» — не случайно в принципиально ограничившем княжескую власть Новгороде князь остался прежде всего судьей. Состязательный процесс, в котором тяжущиеся стороны доказывали свою правоту, проходил «пред людьми». В судебном процессе активную роль играли разного рода свидетели — видоки, послухи, поручники — отзыв которых позволял князю верно выбрать подлежащую применению к разбираемому случаю норму традиционного, обычного права. С начала XI в. нормы обычного права начинают дополняться писаным законодательством. Около 1016 г. создается Правда Ярослава, между 1054 и 1068 гг. — Правда Ярославичей, затем появляются Уставы Владимира Мономаха. Но следует обратить внимание на то, что законодательство не было исключительной прерогативой князя. В перечне «мужей», участвовавших в разработке и утверждении Правды Ярославичей, помимо членов их дружин, указаны земский воевода Коснячко и просто «киевлянин Микифор». Для составления «Устава о резах» (резы — проценты по займу), первого в нашей истории свода коммерческого законодательства, Владимир Мономах «созва дружину свою... Ратибора Киевского тысячьского, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского». Несмотря на скудость данных, которыми мы располагаем, можно утверждать, что участвовало в законодательстве и вече. В предисловии к Уставной грамоте князя Ростислава смоленской епископии указывается, что князь готовил этот акт «сдумав с людьми» (просто людьми, в отличие от княжеских приближенных — «мужей», именовались в то время все свободные жители земли-волости).

Князь действует не в одиночку, он всегда появляется в памятниках в окружении своей дружины. Дружина в глубокой древности, по всей видимости, обозначала боевой отряд племени, или мужской союз, составлявший единицу общеплеменной военной организации, подобную тем, какие европейцы еще в XVIII в. могли наблюдать у индейцев Северной Америки.

Князь и его дружина соединены общностью очага и хлеба, это своеобразная военная община. Оторвавшись и изолировавшись от общины свободных людей, дружина как корпорация профессиональных воинов воспроизводила общинные порядки в своем внутреннем устройстве. Среди дружинников князь не господин, но только первый между равными. Как отмечал византийский автор Лев Диакон, лично видевший князя Святослава Игоревича, «его белые одежды не отличались от одежд его людей и были лишь чище».

Князь должен был считаться с мнением дружины, без которой существовать не мог. Князь Святослав Игоревич отказался принять христианство, несмотря на решительные уговоры матери, опасаясь насмешек дружины. Характерен в этом смысле эпизод, помещаемый летописью под 945 г., о гибели Игоря в древлянской земле. Дружинники Игоря возмутились, что князь плохо содержит их, и завидовали дружинникам боярина Свенельда, которые «изоделись оружием и одеждой, а мы наги». «И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его». Тем самым мы видим, что Игорь уступил требованию своей дружины и отправился к древлянам за дополнительной данью, презрев как соображения о несправедливости повторного собирания дани, так и соображения личной безопасности.

Схожий рассказ читаем в летописи за 996 г. На пиру у князя Владимира Святославича дружинники принялись роптать, что им приходится есть деревянными ложками, а не серебряными. Услышав это, Владимир немедленно «повелел исковать серебряные ложки». Летописец, ставивший перед собой задачу нарисовать идеальные отношения между князем и дружиной, вкладывает в уста князя такое объяснение его поступку: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра».

Как правило, дружина следует за своим князем, переходящим со «стола» на «стол», разделяя его удачи и невзгоды. Но не обязательно. Так в 1146 г. князь Святослав Ольгович вынужден был бежать из Новгорода Северского под натиском своего противника Изяслава Мстиславича, «дружина же его — иные пошли с ним, а другии оставили его». Когда Ярослав Святославич был принужден бежать из Владимира в «угры» (Венгрию), его бояре «отступиша от него».

Что же привязывало дружину к князю? Едва ли не главным достоинством князя, с точки зрения дружины, считалась щедрость. Хороший князь удостоивался похвалы летописца, если «любил дружину, золота не собирал, имения не шадил, но раздавал дружине». Между прочим, пир — это не только многодневная гульба, а своеобразное политическое учреждение той эпохи, когда власть еще не окончательно отделилась от народа. Именно там князь общался с подданными, творил суд, выслушивал просьбы, отличал заслуживших: так вот «поступил на работу» былинный «мужичище-деревенщина» Илья Муромец — в качестве современных анкет и резюме он предъявил пленного Соловья-разбойника.

Там князь назначал на службу и жаловал своих богатырей-дружинников, раздавал им золото и серебро — кубки, мечи, кольца и т. п. Причем раздаваемые предметы не составляют богатства, материальной ценности в нашем современном понимании. По понятиям людей того времени в золоте и серебре аккумулируются удача, счастье и благополучие. «При этом золото и серебро сами по себе, — как отмечал один из лучших знатоков европейского Средневековья А.Я. Гуревич, — ...не содержат этих благ: они становятся сопричастными свойствам человека, который ими владеет, как бы "впитывают" благополучие их обладателя и его предков и удерживают в себе эти качества». Раздавая золотые чаши и кольца, князь делился своей удачей.

Вместе с даром к его получателю переходила часть удачи, счастья дарителя. Акт дарения устанавливал зависимость получателя от дарителя. Дар, не возмещенный равноценным даром или верной службой, становился угрозой чести и даже жизни принявшего дар.

Характерно, что дружинники, взыскав внешних признаков богатства, связанного с удачей, никогда не требовали земельных пожалований. Земля в Древней Руси до XII в. не стала феодальной собственностью. Ее было слишком много, а границы обрабатываемых земель, которые только и могли стать основанием феодальной условной службы, невозможно было установить, поскольку расчищенные от леса УГОДЬЯ быстро «выпахивались» и земледелец приступал к раскорчевке нового лесного участка. По всей видимости, именно это обстоятельство затормозило в Восточной Европе развитие классических феодальных отношений. Эти отношения, сопряженные с появлением земельного владений — вотчин, складываются в XII—XIV вв. и так и не

приводят к появлению на Руси известной по школьным учебникам - феодальной иерархии.

Понятно, что при таком способе формирования дружины она не могла быть велика. Для того чтобы обзавестись дружиной, князь должен был совершить немало удачных военных предприятий и раздать много золота. По свидетельствам иноземных путешественников, косвенное подтверждение которым находится при археологических раскопках дружинных «городищ», у князя, находившегося в зените карьеры, дружина насчитывала от 200 до 400 воинов.

Состав княжеской дружины сложен. Влиятельную «старшую дружину» составляли бояре (происхождение и точное значение этого слова по сей пору неясно, в источниках наряду с ним используются как синонимы огнищанин, русин, княж муж или просто муж), часто имевшие собственные дружины. Это соратники и сотрудники князя, пользовавшиеся правом свободного выбора, кому служить. По всей видимости, старшая дружина была по своему происхождению дружиной «отцовской», и потому не только честью, но и возрастом буквально старшей. «Младшая дружина» состояла из «гридей», «отроков» и «детских» — боевых слуг князя, людей несвободного состояния.

Судьба двух этих частей дружины была различной. Старшая часть (члены которой периодически получали временные назначения судить и собирать дань с известной территории и постепенно заводили более прочные связи в земле-волости) уже с XI в. обзаводилась земельной собственностью и теряла подвижность, переставала перемещаться вместе с князем. Младшая дружина по мере разрушения архаических дружинных отношений постепенно сливается с «двором» князя — служебной организацией, обслуживающей княжеское хозяйство.

Кочующие «самодержцы»

Несмотря на значительный вес в обществе и важность отправляемых князем функций, он так и не стал в Древней Руси подлинным монархом, государем. Прочная монархическая власть невозможна без земельной собственности, но, как установил еще В.О. Ключевский, в Древней Руси «понятия о князе, как территориальном владельце, хозяине какой-либо части Русской земли, имеющем постоянные связи с владимой территорией, еще не заметно».

В советской исторической литературе, трудами главным образом академика Л.В. Черепнина, была разработана концепция верховной княжеской собственности на землю. Однако трудно представить верховным собственником князя, который, приезжая в ту или иную волость, должен был рядиться с вечем и принимать выдвигаемые вечевой общиной условия. Акт княжеского призвания никак не сочетается со статусом собственника. Как писал авторитетный историк-юрист К.Д. Кавелин, «отношений по собственности нет и не может быть, потому что нет прочной оседлости. Князья беспрестанно переходят с места на место, из одного владения в другое, считаясь между собой только по родству, старшинством».

Действительно, князья Рюриковичи постоянно перемещаются из одной земли-волости в другую. В этом их коренное отличие от князей — племенных вождей древнейшей эпохи. Общеславянское слово «князь», родственное древнемецкому «kuning», обозначало первоначально старейшину рода. Воспоминание об этом архаическом значении слова удержалось в русских свадебных песнях, в которых жениха и невесту как основателей нового рода, родоначальников, именуют «князем и княгинею». Варяги, подчиняя себе славянские земли вдоль днепровского торгового пути, довольствовались установлением даннических отношений, оставляя подчиненные племена жить прежним бытом со своими племенными князьями.

В уже упоминавшемся договоре, заключенном киевским князем Олегом с греками в 907 г., указывалось, что дань полагалась на все русские города, «ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу». Нет никакого основания видеть в этих великих князьях потомков Рюрика. Выделение «Рюрикова рода» из общей массы «княжья» происходит постепенно. По всей видимости, племенные княжеские династии пресекались, а уцелевшие представители их влились в состав боярства в результате длительного процесса «примучивания» (т. е. подчинения) киевскими Рюриковичами окрестных славянских племен. В 945 г. во главе древлян мы видим еще их собственного князя Мала, но к исходу этого столетия во всех русских землях наблюдаем только потомков Рюрика, заметно размножившихся и образовавших несколько конкурирующих династических линий.

Отношения между князьями-Рюриковичами довольно сложны. Неоднократно историками предпринимались попытки объяснения их

на основании какого-либо единого принципа. Наибольшей популярностью пользуется до сих пор предложенная С.М. Соловьевым и развитая В.О. Ключевским гипотеза «очередного порядка» или «лестничного восхождения» князей. В соответствии с этой гипотезой Русь находилась в нераздельной собственности всего рода Рюриковичей. При этом существовало понятие об иерархии земель (старшим городом считался Киев, за ним шли Чернигов, Переяславль и т. д.) и параллельной иерархии княжеского рода по старшинству. После кончины очередного киевского князя две эти иерархии должны были заново приводиться в соответствие: на киевский престол переходил старший во всей династии Рюриковичей (как правило, это был не сын, а брат почившего князя), следующий за ним по старшинству перебирался в Чернигов и так далее. Однако и этот порядок, по мнению авторов гипотезы, устанавливается только со времени Ярослава Мудрого, а до того, по мысли В.О. Ключевского, «при отце сыновья правили областями в качестве его посадников», когда же отец умирал, «разрывались все политические связи между его сыновьями... между отцом и детьми действовало семейное право, но между братьями не существовало, по-видимому, никакого установленного, признанного права». Эта гипотеза позволяет объяснить гораздо меньшее число фактов, нежели остается фактов ей противоречащих, так что Ключевскому приходилось признавать, что этот «очередной порядок» «действовал всегда и никогда — всегда отчасти и никогда вполне».

Прямо противоположную гипотезу выдвинул в конце XIX в. историк-юрист В.И. Сергеевич. Он настаивал, что все отношения между князьями «Рюрикова дома» носят исключительно договорный характер. Этими договорами, до XIV в. заключавшимися в устной форме, устанавливались вполне произвольно взаимные отношения старшинства князей по «чести», вне зависимости от кровного родства. Князь, испытывая судьбу, считал себя вправе «искать» любого стола и в случае удачи приобретал более «чести». Князь, признававший себя по такому договору «братом младшим», мог приходиться в действительности своему «брату старейшему» дядей. Средством выяснения взаимного старшинства служили почти непрерывные княжеские «усобицы» (вооруженные конфликты, в которых князь воевал «о себе» — отсюда слово «усобица», а не за земские интересы).

Несмотря на то что в рамках обеих гипотез было сделано много полезных наблюдений, ни одна из них не может претендовать на пол-

ное описание реального механизма междукняжеских отношений. Перемещение князя из одной волости в другую определялось множеством факторов — княжескому стремлению занять определенный стол могло воспрепятствовать как противодействие другого князя-претендента, так и вмешательство интересов главного областного города, мало считавшегося с княжеским старшинством.

Первой попыткой установления наследственности княжеских столов считается предсмертное завещание Ярослава Мудрого. Этот «ряд Ярославль» в изложении Лаврентьевской летописи предписывал:

«Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: "Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают". И так наставлял сыновей своих жить в любви».

Ни из чего не следует, что это предсмертное распоряжение Ярослава — акт частного права — имело значение общегосударственной нормы. Даже собственные дети не исполнили его завещания. Мирное соправление Ярославичей продолжалось недолго. В 1073 г. между ними началась кровопролитная уособица, продолжавшаяся до 1078 г., после завершения которой князья стали предпринимать энергичные усилия к установлению большего порядка в междукняжеских отношениях. Однако известное постановление княжеского съезда, собранного в Любече в 1097 г., гласящее: «каждый да держит отчину свою» (т. е. не ищет других княжений кроме тех, которые занимали

его непосредственные предки), еще долгое время оставалось благим пожеланием. Лишь постепенно происходит закрепление определенных земель за определенными княжескими линиями. Эта общая тенденция отчасти была связана с «оседанием на землю» дружины. Отчасти укрепление княжеской власти и более тесная связь князя с известной волостью возникали вследствие того, что в каждой волости со временем увеличивался удельный вес населения, находящегося под непосредственной княжеской юрисдикцией.

Помимо княжеских «мужей», дружины, под собственной юрисдикцией князя, вне власти земских городских органов оказывались знаменитые смерды — одна из самых загадочных категорий населения древнерусской волости, о статусе которой на протяжении столетия шли в науке ожесточенные споры. Смерды выступают как один из разрядов неполноправного населения, что выражается в пониженном штрафе за убийство смерда и низкой цене его службы. В 1016 г. Ярослав, награждая участников похода, приведшего его на киевский стол, выдал «смердам по гривне, а новгородцам по 10 гривен всем». Однако характер неполноправности смерда из юридических памятников неясен. Многие историки трактуют смердов как категорию феодально-зависимого населения, однако смерды не находятся в частной зависимости, а являются княжескими людьми. В частности, выморочное имущество смерда отходит князю.

Ключ к пониманию положения смердов дает наблюдение, сделанное И.Я. Фрояновым: тогда как свободное население волости, «люди», платят полюдье — общегосударственный налог, смерды всегда в источниках оказываются плательщиками дани, которая имеет значение военной контрибуции или платы за несостоявшийся набег. Смерды наших древнейших памятников (с XIV столетия это просто бранное слово) — недавно покоренные и обложенные данью племена, как правило неславянские. Толковать несвободное состояние этих «внешних смердов» как феодальную зависимость не представляется возможным. Они жили традиционным бытом и внутри своих общин были свободны, но община «смердов» как целое облагалась данью. Помимо них существовали «внутренние смерды» — то есть представители тех же племен, переселенные вглубь земли-волости на положении государственных рабов. Князья изначально несли в волости обязанность «блести смердов», составлявших тем самым собственную социальную опору князя, со временем увеличивавшуюся.

С тремя политическими силами, которые так наглядно взаимодействуют в легенде о призвании Рюрика, связаны различные варианты исторического пути городов-государств Древней Руси. Постоянная борьба трех политических сил приводила в разных землях к различным результатам. В киевской и северо-западных волостях постепенно усиливаются демократические вечевые институты, в Юго-Западной Руси заметны олигархические тенденции, связанные с усилением положения боярства. Здесь бояре сожгли на костре любовницу князя Ярослава Осмомысла, когда он захотел передать престол сыну от нее, в обход сына от законной жены, а на княжеском столе некоторое время сидел боярин Владислав Кормиличич (единственный случай на Руси). На северо-востоке — во Владимиро-Суздальской области — обозначились монархические тенденции. Однако борьба эта была далека от завершения, и условия для становления монархии (и то, первоначально только во Владимиро-Суздальской Руси) сложились уже за пределами древнерусского периода отечественной истории.

Подробнее на эту тему:

Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 2001.

(<http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv2.htm>)

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX— XII вв.). М., 1999. (<http://www.lanls.tellur.ru/history/damlevsky/index.htm>)

Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. М., 1993.

Сергеевич В.И. Русские юридические древности. СПб., 1902.

Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001.